

ИНДОНЕЗИЯ: ЕДИНСТВО и МНОГООБРАЗИЕ в ЭПОХУ РЕФОРМ

В последнее время политические и религиозные деятели Индонезии в своих выступлениях все чаще апеллируют к девизу «Единство в многообразии», начертанному на национальном гербе страны. Ленту с этими словами (на санскрите «Bhinneka Tunggal Ika») держит в когтях мифическая птица Гаруда – на ней летал индуистский бог Вишну. Сама Гаруда, ставшая в 1945 г. символом нового государства, и язык национального девиза пришли из эпохи, когда на большей части современной Индонезии господствовавшей религией был индуизм; ислам начал проникать сюда в конце XII - начале XIV веков. Можно предположить, что сыграли роль реминисценции о временах могущественных индуистских царств, в то же время, символика герба и язык девиза поднимали национальную идею над многообразием этносов, рас, религий и культур, образовавших новое государство, уравнивали их. Девиз наряду с государственной идеологией, конституцией страны и принципом Унитарного государства Республика Индонезия сейчас включен в число четырех столпов (Empat Pilar) государства. Он диалектически коррелирует с провозглашенной в 1928 г. «Клятвой молодежи»: «Одна страна – Индонезия, одна нация – индонезийская, один язык – индонезийский».

Индонезия - четвертое по численности населения государство мира, более четверти миллиарда человек, свыше 350 этносов, принадлежащих в большинстве своем к южноазиатскому (около 96%) и папуасско-меланезийскому расовым типам. В стране официально признаны шесть религий – ислам, который исповедуют до 90% индонезийцев, католичество, протестантизм, индуизм, буддизм и конфуцианство. У ряда этносов сохранились, порой превалируя, автохтонные верования, а обычное право, особенно в сельских общинах, нередко берет верх над позитивным. Эти различия часто взаимно налагаются, сов-

падая с территориальным делением, что создает предпосылки для центробежных тенденций.

Выдвинутые в 1945 г. и включенные в преамбулу конституции первым президентом страны Сукарно пять принципов национальной идеологии Панча сила включают веру в Единого Бога, справедливый и цивилизованный гуманизм, единство Индонезии, демократию, направляемую стремлением к единогласию на основе консультаций и представительства, социальную справедливость для всего народа Индонезии. Эти принципы были приемлемы для всех отрядов освободительного движения. Но их, как и девиз «Единство в многообразии», с созданием суверенного государства, предстояло наполнить реальным содержанием, и здесь начались главные трудности. Уже на первом этапе независимости, в ходе антиколониальной войны (1945 – 1949 гг.) проявились первые противоречия – исламистский радикализм, в особенности на западе Явы, выступление под руководством коммунистов на Восточной Яве. Однако они не оказали решающего воздействия на ход событий, хотя движение исламистов было в целом подавлено лишь в начале 1960-х гг. В 1950-х гг. сепаратисты в восточной Индонезии, где население в основном принадлежит к меланезийской расовой группе и исповедует католичество, сделали попытку создать независимую Республику Южно-Молуккских островов. Эта попытка была подавлена армией, но осталась в памяти большинства индонезийцев как покушение на единство нации и целостность государства.

Идея антиимпериалистического национального единства доминировала в политике Сукарно и его единомышленников. В этом им способствовала политика Запада, который, обвиняя Сукарно в коммунистической ориентации, поддержал ряд антиправительственных и сепаратистских движений, создавая атмосферу реальной внешней угрозы. Под этим предлогом и под тем же лозунгом национального единства делался упор на развитие обороноспособности при фактическом пренебрежении экономическим развитием. Последнее отчасти диктовалось инстинктивным опасением, что рост экономики будет способствовать усугублению социальных противоречий, ставя под сомнение официальную доктрину нерушимого единства индо-

незийского общества. Результатом было стихийное развитие этих противоречий в наиболее губительной форме – обнищание значительной части населения, обезземеливание крестьян, коррупция, расхищение госсектора экономики и национализированных иностранных предприятий, формирование слоя бюрократической буржуазии, в основном, из среды высшего офицерства с его огромными полномочиями в условиях перманентной напряженности.

В 1965 г. эти процессы в сочетании с рядом других вылились в политический кризис, приведший к государственному перевороту, сопровождавшемуся беспрецедентным по размаху и жестокости террором против левого сектора общества. Армия осуществляла террор в союзе с правомусульманской верхушкой при прямом поощрении Запада. В стране установился военно-авторитарный режим, принявший название «нового порядка», не смущаясь недавними европейскими аналогиями. Поставив во главу угла задачу экономического развития страны, новый режим официально изъясил из сферы общественного обсуждения наиболее острые проблемы – отношения между расами, этносами, конфессиями и социальными слоями. Лозунгом стало «Единство во имя развития», национальная идеология (в трактовке правящей армии) – единственным разрешенным мировоззрением, а заложенный в ней принцип консенсуса исключал всякую дискуссию. Число политических партий было ограничено тремя, одна из которых, Организация функциональных групп (индонезийское сокращенное название Голкар), играла роль партии власти и, пользуясь административным ресурсом, имела гарантированное абсолютное большинство во всех выборных органах. Научный сотрудник Национального университета Австралии Эдвард Аспинолл указывает, что экономическое развитие в период «нового порядка», затронув даже беднейшие и отдаленные районы, сопровождалось целенаправленным усилением влияния вездесущего гражданского и военного аппарата, стандартизацией и централизацией управления и образования, часто без учета местных особенностей, при жестокое подавлении сопротивления там, где оно имело место.¹

Эта попытка разрешить проблемы плюралистического по своей природе общества сугубо силовыми методами, насильственным введением единомыслия дала определенный период относительной стабильности, поскольку застарелые и неизбежно возникавшие новые проблемы неизменно «заметались под ковер». Военный режим по своей природе ставил главной задачей развитие экономики, а не развитие общества. Поэтому общество развивалось во многом вопреки политике власти, которая в ряде случаев усугубляла существующие противоречия. Распространено утверждение, что лидеры «нового порядка» открыли значительные возможности для христиан и этнических китайцев, порождая чувство маргинализации и разочарования у мусульман². Речь идет о выдвигании христиан на некоторые ключевые посты в госаппарате и вооруженных силах. Как представляется, Сухарто исходил из убеждения в их личной лояльности – у католиков и протестантов не было шансов достичь более высокого положения в случае смены режима или его лидера.

Что касается китайской общины, ее представители контролировали не менее 2/3 корпоративного капитала, оптовой и розничной торговли. В представлении коренного населения эксцессы экономического и социального развития страны воспринимались в основном через хуацяо и (далеко не всегда обоснованно) связывались с их интересами. Это, в особенности, в кризисных ситуациях, выливалось в массовые насильственные акции. В тех же районах, в частности, на Калимантане, где китайцы занимаются сельским хозяйством, в отношении к ним коренного населения нет враждебности. Антикитайские настроения суть по преимуществу ложно направленные выплески социального протеста, отражая желание низов найти врагов в лице иноверцев и чужаков.

Военный режим, с одной стороны, проводил политику грубой дискриминации – запрет на конфуцианство, китайские праздники и использование иероглифов в печати, принуждение к смене китайских имен на индонезийские. С другой, - имело место тесное переплетение деловой (не всегда открытой) деятельности представителей военной элиты с китайским бизнесом, причем генералы небескорыстно обеспечивали определен-

ную защиту китайцев от коренных индонезийцев. В условиях роста социального неравенства это усиливало ксенофобные настроения в низах. Военные в известной мере поощряли эти настроения, уводя их в сторону от подлинных причин и усугубляя зависимость хуацяо от защиты со стороны верхов.

Политика «нового порядка» способствовала усилению исламистов, в том числе и на массовом уровне. В условиях, когда социальные проблемы были фактически изъяты из общественного обсуждения, а все идеологии, кроме официальной, запрещены, мечеть, мусульманская община стали единственным пространством, где верующие чувствовали себя свободными от авторитарной власти и равными перед Всевышним, а священнослужители становились носителями идей, отличных от тех, что навязывались сверху. Вторжение силовых органов в эту сферу выливалось в ряде случаев в физические столкновения с человеческими жертвами.

Перечисленные проблемы и ряд других, о которых будет сказано ниже, не находя разрешения, накапливались, ожидая лишь момента, чтобы вырваться наружу. Таким моментом стал экономический кризис 1997-1998 гг., приведший к падению «нового порядка» и началу периода политических реформ. Элита, оказавшаяся у власти после отстранения армии от монопольного управления страной, была в значительной мере разобщенной, но ее объединяло сознание необходимости коренных структурных изменений политической системы. В то же время не было как единой силы, способной возглавить реформаторов, так и единой платформы. Государственная идеология Панча сила была существенно скомпрометирована военным режимом. Хотя практически все реформаторы апеллировали к ней, это выглядело не слишком убедительно. Поэтому в первые годы многие опасались «балканизации» Индонезии с непредсказуемыми последствиями для всего региона Юго-Восточной Азии. Но события в Индонезии существенно отличались от того, что произошло в Ираке или Ливии – они стали по преимуществу результатом внутреннего развития, свободного от сколько-нибудь значительного вмешательства извне. Однако процесс был нелегким и напряженным. Демократические реформы, ограничив в известной мере полномочия силовых орга-

нов объективно открытии дополнительные возможности для сепаратистов и религиозных радикалов.

Все администрации Индонезии, начавшегося в 1998 г. периода реформ, подвергались острой критике за неспособность ликвидировать конфликты в этноконфессиональной сфере. В ряде случаев критика была обоснованной, более того, иногда конфликты развивались в контексте борьбы в элите страны. В частности, армия стремилась доказать, что ее отстранение от безграничной власти чревато распадом государства, и в стимулировании противоречий подозревали генералов. Вместе с тем, президентам эпохи реформ приходилось преодолевать тяжелое наследие предыдущих периодов истории страны. Реформаторы были лишены двух главных инструментов, которыми пользовались их предшественники – популистские, националистические лозунги Сукарно в значительной мере уже не действовали, а насилие, к которому прибегал «новый порядок», не могло использоваться по определению. Девиз «Единство в многообразии» предстояло институировать в новых условиях.

Ставший главой государства после отставки Сухарто вице-президент Б.Ю. Хабиби был вынужден пойти на крайне непопулярный шаг, согласившись на выход из состава Республики Восточного Тимора, бывшей португальской колонии, которая в 1975 г. была насильственно присоединена к Индонезии. В Восточном Тиморе, несмотря на несомненные успехи в развитии провинции, Джакарта допустила вытеснение коренных жителей из администрации и других сфер жизни приезжими, главным образом с Явы. Они отличались от католиков-тиморцев в религиозном, расовом и культурном отношении. Соппротивление аборигенов, в том числе вооруженное, не угасало в течение всех лет пребывания территории в составе Индонезии, и его жестокое подавление давало прямо противоположные результаты. Восточный Тимор ранее никогда не был частью Индонезии и традиционных связей с ней не имел, но его выход нанес болезненный удар по самосознанию индонезийцев, воспринятый как национальное унижение. Возникли опасения, что это событие будет иметь демонстрационный эффект.

Одной из первых реформ, проведенных новой властью, была децентрализация управления. До этого в стране действо-

вал закон №5 (1974 г.) «Об основах местного управления», который, как считает индонезийский исследователь Тото Сугиарто, в принципе не признавал существования местных властей, а элиты на местах были марионетками, которые полностью управлялись из центра³. По закону №22 от 1999 г. в ведение регионов передавались все сферы управления, за исключением вопросов внешней политики, обороны и безопасности, судопроизводства, финансовой и налоговой системы, религии и некоторых других. При этом допускалось, что в религиозной сфере некоторые вопросы также могут быть переданы регионам (ст.7, п.1). В соответствии с п.3 той же статьи к «некоторым другим вопросам» были отнесены экономическое планирование, использование природных и трудовых ресурсов, высоких технологий и др. Расширялись полномочия городов и кабупатенов (административных единиц второй ступени, на которые делятся провинции). В ст.4 (п.2) закона указывалось, что провинции, кабупатены и города самостоятельны и не связаны отношениями подчиненности.

Децентрализация управления была, безусловно, необходима, учитывая размеры страны, разнообразие географических, этнических, экономических, социальных и других условий. Она должна была стать частью общих демократических изменений. Но при ее осуществлении реформаторы столкнулись с той же проблемой – психология элиты в центре и на местах была деформирована десятилетиями авторитаризма. Ей еще предстояло научиться соотносить интересы государства и регионов. Произошла децентрализация не только власти, но и коррупции, которая становилась эффективным средством обращения новых прерогатив регионов к выгоде местной бюрократии и олигархов. Как писала индонезийская пресса, в непосредственном применении реформы привели не столько к расширению политического участия местного населения, сколько к передаче полномочий от центральной элиты к местной, что в свою очередь вело к развитию этноцентризма⁴. Отбор государственных служащих часто зависел исключительно от принадлежности к титульному этносу. Президент А.Вахид (1999-2001 гг.) призвал местные власти отказаться от подобной практики, губительной для межэтнических отношений⁵, однако этот призыв не нашел

должного воплощения. В известной мере это было естественной реакцией на политику предыдущего режима.

Проблема «единства в многообразии» нашла отражение в четырех пакетах поправок, внесенных в конституцию страны в 1999-2002 гг. В 2002 г. была включена статья 18А: «Распределение полномочий между центральным правительством и органами исполнительной власти в провинциях, кабупатенах и городах, а также между органами исполнительной власти провинций, кабупатенов и городов определяется законом с учетом особенностей и специфики региона». В статье 18В (п.2) говорится: «Государство признает и уважает объединения, созданные на основе обычного права (адата) и их традиционные права, пока эти последние существуют и находятся в соответствии с интересами общественного развития и принципами Унитарного государства Республики Индонезии в соответствии с законом».

Статья 32 в редакции 2002 г. указывает, что государство содействует развитию национальной культуры, существующей наряду с мировой культурой, обеспечивает свободу граждан сохранять и развивать свои культурные ценности, оберегает местные языки как национальное культурное достояние.

В соответствии со ст. 29 индонезийское государство основано на вере в Единого Бога. Статья 28Е (2002 г.) гласит, что каждый гражданин имеет право исповедовать религию и совершать соответствующие обряды, а также исповедовать верования. Статья 31 (п.5) с поправками 2002 г. гласит, что правительство способствует развитию науки и технологий, глубоко уважая религиозные ценности и национальное единство в интересах прогресса цивилизации и процветания человечества.

Как представляется, наряду с провозглашением религиозных свобод и равноправия этносов и религиозных общин, конституция содержит ряд положений, подверженных неоднозначному толкованию. Статья 29, в частности, свидетельствует о том, что Индонезия не является светским государством и религиозные догмы могут доминировать в определенных ситуациях, на что указывает оговорка в статье 31 (п.5) - развитие науки и технологий предполагает учет религиозных ценностей и национального единства.

Принципиальное значение имело создание второй палаты парламента – Совета представителей регионов, который вместе с Советом народных представителей входит в состав высшего органа государственной власти Народного консультативного конгресса. В СПР все провинции имеют равное представительство, причем число его членов не может превышать одну треть численности СНП. Полномочия новой палаты, однако, носят ограниченный характер. В соответствии со статьей 22D Конституции СПР вносит на рассмотрение Совета народных представителей законопроекты по вопросам, касающимся автономии регионов, отношений между центром и регионами, в том числе в финансовых вопросах, при слиянии и разделении провинций, в вопросах разработки и использования местных ресурсов. СПР может участвовать в обсуждении соответствующих законопроектов, но не участвует в голосовании. Обсуждается вопрос о внесении в основной закон пятого пакета поправок в дополнение к внесенным в 1999-2002 гг. Можно ожидать сопротивления части мусульманской и военной элит, считающих, что конституция после 1998 г. и без того стала слишком либеральной, как и вся политическая система страны.

На этапе демократических реформ наиболее склонными к сепаратизму и дистанцированию от Явы оказались три региона – принадлежащая Индонезии западная часть острова Новая Гвинея (современное название Папуа), Аче – северная часть острова Суматра и Молуккские острова.

Территория нынешней Папуа лишь в 1963 г. вошла в состав Республики Индонезии, вначале получив название Западного Ириана, позже Большого Ириана (Ириан Джайя), и в последнее время обрела нынешнее название. Воссоединение с Республикой было неоднозначно воспринято населением, основную часть которого составляют негроиды-папуасы, в большинстве своем христиане и анимисты. Во второй половине 1960-х гг. возникло Движение за независимость Папуа, до сих пор остающееся активным фактором политической ситуации в этой части страны, прибегая к вооруженной борьбе и террору. Существенную роль сыграла политика правительства «нового порядка». Богатая полезными ископаемыми провинция вносила в национальный бюджет гораздо больше, чем получала в свое

распоряжение, несмотря на нищету населения, значительная часть которого вела кочевой образ жизни. Коренные жители ощущали угрозу, проистекавшую из миграции из других регионов страны, прежде всего яванцев, существенно отличавшихся от аборигенов в расово-этническом, религиозном и цивилизационном отношениях. В 1971-2000 гг. в Папуа переселились 719,9 тысяч человек (при населении 2,5 млн.), а выехали 99,6 тыс.⁶. Уже к 1990 г. около трети жителей не относились к коренному населению⁷. В 1999 г. в центре провинции г. Джайяпура среди христиан было 149,3 тыс. коренных жителей и 63 тыс. приезжих. Среди мусульман – соответственно 5 тыс. и 122 тыс.⁸.

Как отмечала Международная кризисная группа в 2002 г., в лесной промышленности и некоторых других важных отраслях экономики региона ключевые позиции в период «нового порядка» захватили дельцы из ближайшего окружения и семьи президента Сухарто, проявлявшие мало уважения к законам и обычному праву. Хотя центральное правительство сделало немало для развития образования в этой части страны, приезжие вытесняли коренных жителей с ключевых административных и экономических позиций⁹. МКГ призывала противодействовать расистским чувствам, присущим многим индонезийцам по отношению к папуасам, считая это отзвуками расизма, который проявляли колонизаторы по отношению ко всему населению. Вселяет надежду тот факт, что многие политики понимают необходимость более инклюзивной политики по отношению к папуасам, но многое, по мнению МКГ, еще предстоит сделать. Группа видела причины конфликтов, в частности, в недостаточно продуманной политике в области добычи минеральных и природных ресурсов, которая нередко наносит ущерб традиционным интересам коренного населения¹⁰.

В 2000 г. было принято решение прекратить организованное переселение ввиду межобщинных конфликтов в ряде регионов страны. Однако этот процесс фактически продолжался на основе договоренностей между местными органами власти¹¹. В период президентства М. Сукарнопутри в 2001 г. был принят закон об особой автономии для провинции, которым ей и было присвоено название Папуа, совпадающее с названием коренно-

го населения. Признавались эмблема, флаг и гимн политической организации сепаратистов Совета Папуа. Однако Совет отверг эти меры, после чего его члены были арестованы, а несколько позже был убит глава Совета Папуа Тейс Элуай. Попытка найти общий язык с сепаратистами потерпела очередную неудачу.

С 2013 г. Министерство образования и культуры Индонезии осуществляет программу обучения 500 детей из Папуа в школах на островах Ява и Бали. Во время обучения они проживают в местных семьях, чтобы изучить местную культуру и обычаи. По окончании средней школы им будет дана возможность получить высшее образование и затем вернуться в Папуа¹².

Президент Д. Видодо, занявший этот пост в 2014 г., заявил, что намерен полностью прекратить переселение в Папуа из других регионов страны. Но практически одновременно он сообщил о планах отвести в районе Мерауке 1,2 млн. га земли под рисосеяние, что может обеспечить 30% потребностей страны в этой основной продовольственной культуре¹³. Возникает вопрос, кто будет возделывать эти площади, учитывая, что коренное население никогда в истории рис не выращивало, а этот вид деятельности складывается в результате многовекового опыта и традиций – сельскохозяйственных и социальных. Однако в первую очередь задача заключается в преодолении вопиющего различия в экономическом развитии регионов. По данным Центрального статистического управления Индонезии в 1915 г. в Папуа и на Молукках 22% населения жили ниже уровня бедности (25 долларов на человека в месяц), тогда как по стране в целом эта цифра составляла 10,96%. Однако в последнее время темпы роста экономики в Папуа (как и на Молуккских островах) значительно превышают рост по стране в целом. Во втором квартале 2015 г. он составил свыше 10% против 5% на Яве и 9% на о. Бали и в регионе Нуса Тенггара¹⁴.

Сепаратизм в провинции Аче на северной оконечности острова Суматра всегда носил отчетливо выраженную религиозную окраску – ачехцы не без оснований считают себя наиболее ортодоксальными мусульманами в сравнении, например, с яванцами, чья вера в значительной мере синкретична. В 1976 г.

здесь был основан Фронт национального освобождения, более известный под название Движения за независимый Аче. В отличие от движения Дар-уль-Ислам, действовавшего в свое время на западе Явы и выступавшего за исламизацию всей страны, ачехские исламисты ставили целью возвращение статуса независимого государства, который Аче имел до колонизации. Они считали, что в условиях поликультурной и поликонфессиональной Республики Индонезии ачехцы не могут реализовать себя как истинные мусульмане. Существенную роль сыграли и проблемы, связанные с ущербом экономическим интересам ачехцев при использовании природных богатств провинции, прежде всего природного газа¹⁵.

В 1999 г. в Аче были введены законы, распространявшие нормы шариата на семейные и имущественные отношения, сферу образования, форму одежды для мужчин и женщин, экономические операции. Нарушения этих законов, в частности, вероотступничество, употребление спиртных напитков, азартные игры, манкирование молитвами в мечети, следование девиантным учениям и верованиям наказываются не только значительными тюремными сроками и штрафами, но и публичной поркой – до 40 и более ударов¹⁶.

Эти уступки не привели к свертыванию вооруженных акций сепаратистов. Известный поворот в развитии событий произошел после колоссального по трагическим последствиям цунами в 2004 г., унесшего жизни сотен тысяч ачехцев и причинившего огромные разрушения. Массированная помощь, которую провинция получила от центрального правительства и иностранных государств, оказала существенное воздействие на настроения в провинции, и сепаратисты вынуждены были пойти на переговоры. В соответствии с меморандумом о взаимопонимании, подписанным представителями правительства и сепаратистами в Хельсинки 15 августа 2005 г., провинции, которая оставалась в составе Республики Индонезии, предоставлялись широкие полномочия во всех областях, исключая внешнюю политику, оборону, финансово-экономическую сферу, правосудие и свободу вероисповедания, которые оставались за центром. Аче имеет собственные флаг, герб и гимн наряду с государственными. Указывалось, что для Аче будет разработа-

но собственное уложение (канун) с учетом исторических традиций и обычаев ачехцев, которое одновременно отразит современные требования в области права. Законодательные власти Аче должны были разработать правовые нормы для провинции в соответствии с универсальными нормами основных прав человека в соответствии с Конвенцией ООН¹⁷.

Однако недостаточная эффективность государственной власти, отсутствие прочного политического ядра, боязнь правительства осложнить отношения с мусульманскими радикалами привели к тому, что власти Аче фактически не считают себя связанными некоторыми условиями хельсинкских договоренностей. Очень вскоре в провинции были введены в действие практически в полном объеме нормы шариата, предусматривающие тюремное заключение сроком до 40 месяцев и/или телесное наказание и денежный штраф в сумме эквивалентной 800 гр. золота за употребление спиртных напитков, интимные отношения между лицами, не состоящими в законном браке, за ношение женщинами обтягивающих брюк и отсутствие головной повязки¹⁸. Мэр столицы провинции города Банда Аче запретил обслуживать в ресторанах, спортивных центрах, интернет-кафе и туристических заведениях после 23.00 женщин без сопровождения мужа или другого члена семьи мужского пола. Женщинам запрещено работать в указанных заведениях после 20.00¹⁹.

Таким образом, власти ввели и обеспечивают силами правоохранительных органов и шариатской полиции нормы, не соответствующие ни конституции страны, ни современным понятиям о правах человека, гендерном равенстве и т.п. Выведение части территории страны из общенационального правового пространства вряд ли может быть оправдано принципом многообразия. Применение правовых норм и наказаний, присущих скорее средневековой цивилизации, под предлогом особенностей ачехской истории и культуры, по сути, является признанием бессилия центральной власти и создает опасные прецеденты для таких самобытных в культурном отношении регионов как, например, Бали и Папуа.

Ситуация в Аче демонстрирует в то же время очень важный элемент политического самосознания индонезийцев. Неиз-

вестны случаи проявления сколько-нибудь заметной солидарности с ачехскими сепаратистами на религиозной почве даже со стороны самых воинствующих исламистов: сепаратизм для большинства индонезийских мусульман – непростительный грех. Примечательно также, что и Движение за независимый Аче, и Движение за независимое Папуа, и вооруженные отряды этого последнего – носят названия на индонезийском языке. Этот факт весьма точно характеризует ситуацию: национальный язык как один из инструментов, объединяющих большие и малые этносы, которые иначе не поймут друг друга.

Конфликты с религиозной окраской развивались и в некоторых других регионах. Не имея явно выраженной сепаратистской окраски, они по ожесточенности порой не уступали операциям в Аче и Папуа. На Молуккских островах демографическая политика Джакарты привела к тому, что к 2001 г. в этом традиционно христианском регионе мусульмане уже составляли 43%. Это привело к радикальным сдвигам в землевладении и представительстве в органах власти. С 1992 г. пост губернатора занимал мусульманин, заменивший своими единоверцами-мигрантами чиновников на всех высших постах. Многие мигранты поселились на землях, откуда практически насильно были выселены коренные жители. Сын Сухарто захватил монопольный контроль над производством гвоздики, в котором заняты многие молукканцы²⁰. Нужен был лишь повод к взрыву. Драка между молодым мусульманином и христианином-водителем автобуса 19 января 1999 г. переросла в массовые межобщинные столкновения, в результате которых погибли не менее 8000 человек. Некоторые исследователи считают, что силы, связанные с Сухарто, действовали на стороне мусульман, чтобы дестабилизировать ситуацию в период президентства А. Вахида (1999-2001 гг.), проводившего важные реформы, призванные лишить армию самостоятельной политической роли²¹.

Не менее характерная ситуация сложилась на Калимантане. В районе Самбас (на севере провинции Западный Калимантан) коренные жители, этнические малайцы, преимущественно мусульмане, и даяки (христиане и анимисты) объединились против мигрантов с острова Мадуро (у северного побе-

режья восточной Явы), исповедующих ислам. Погибли около 200 человек, главным образом мигрантов. Индонезийский социолог и правозащитник Бамбанг Сухарто на основе полевых исследований пишет, что приезжие мадурцы были более изобретательны в поисках хлеба насущного, чем этнические даяки. Возможно, последние, будучи коренными жителями, считают, что их достойно прокормит родная земля и нет надобности в новшествах для повышения уровня жизни. Многие даяки больше полагаются на лесное и плантационное хозяйство и рыболовство, тогда как мадурцы часто идут в бизнес, торговлю, государственную службу и в экономической сфере занимают более высокое положение, чем этнические даяки, что порождает социальную ревность²². Сказанное в очередной раз показывает, что в основе этнорелигиозных конфликтов, как правило, лежат социальные, демографические и экономические факторы, просчеты власти с долгосрочными последствиями.

Конфликты развивались не только на так называемых внешних островах, но и на Яве. Здесь имели место столкновения в джакартском пригороде Бекаси между коренными жителями, мусульманами и батаками-протестантами, выходцами с севера Суматры. В массе своей приезжие были более состоятельными, что сыграло на руку местным исламистам, препятствующим строительству христианских храмов. В условиях децентрализации управления местные власти вопреки указаниям центра заняли позицию, фактически благоприятствующую радикалам. В ряде случаев конфликты на местах приводят к акциям солидарности в других городах и районах. В ноябре 1998 г. стычка мусульман и христиан в столице побудила христиан Купанга (на западной части о. Тимор) начать погромы против мечетей, а кровопролитие на Молукках вызвало нападение мусульман на церкви на о. Ломбок.

Отмечался и рост внутриисламских конфликтов. В 2011 г. до полутора тысяч исламистов в провинции Бантен напали на дом местного лидера мусульманской секты Ахмадия, члены которой считают, что Мухаммед не был последним посланцем Аллаха на земле. Три сторонника секты были убиты, пять тяжело ранены. Приговоры суда погромщикам были шокирующе легкими – от трех до шести месяцев тюрьмы²³. В декабре того

же года в местечке Сампанг на острове Мадуро местный мусульмане-сунниты разгромили шиитскую мечеть и сожгли дома местных шиитов. В течение нескольких лет правительство не только не восстановило права шиитов, но и устами бывшего тогда министром по делам религий Сурьядарма Али неоднократно давало понять, что фактически одобряет преследование меньшинств внутри мусульманской общины.

Понимая опасность исламистского радикализма, в том числе и для сохранения единства страны, правительство президента Юдойоно, располагая весьма шатким большинством в парламенте, занимало не вполне последовательную позицию по отношению к радикальным исламистам, в том числе к Фронту защитников ислама (ФЗИ), который отслеживает выполнение верующими законов шариата, не останавливаясь перед грубыми формами насилия. Угроза этих действий для единства страны подтвердилась, когда представители ФЗИ прибыли в г. Паланкарая, столицу провинции Центральный Калимантан, чтобы создать там отделение Фронта. Жители города не дали им выйти из самолета, считая их деятельность угрозой устоявшемуся укладу. Это было и демонстрацией позиции по отношению к бесхребетности центральной власти. В Индонезии на разных уровнях прозвучало немало скептических высказываний, когда в 2013 г. базирующаяся в США организация «Зов совести» (Appeal of Conscience) присудила президенту С.Б. Юдойоно титул государственного деятеля года за обеспечение прав религиозных меньшинств.

Роль власти в политической культуре индонезийцев чрезвычайно велика, о чем свидетельствуют, в частности, события, связанные с назначением в 2012 г. вице-губернатором Джакарты этнического китайца, христианина Басуки Чахайя Пурнама. Губернатор столицы Джоко Видодо, будущий президент страны, игнорировал протесты исламистов и давление министра внутренних дел. Б. Пурнама не только остался на своем посту, но и занял в 2014 г. пост губернатора вопреки выпадам исламских радикалов. Благодаря твердости власти, девиз «Единство в многообразии» был защищен. В более широком плане отметим, что с началом демократических реформ в последние годы ан-

тикитайские настроения, во всяком случае, не выливаются в сколько-нибудь очевидные внешние проявления.

Наиболее сложный, критический период поставторитарного развития страна, видимо, миновала в начале 2000-х гг., но сказанное выше показывает, что избранному в 2014 г. президенту Джоко Видодо досталось весьма непростое наследие. Он отчетливо сознает, что единство его родины должно опираться не только на духовные скрепы, но и на вполне земные факторы, в первую очередь, на более сбалансированное развитие регионов. Перед президентскими выборами 2014 г. кандидаты на высшие посты Джоко Видодо и Юсуф Калла представили в Национальную избирательную комиссию программный документ, озаглавленный «Девять целей». Они, в частности, констатировали рост нетерпимости в обществе и разрушение национального характера в результате распространения сектантских конфликтов, подрывающих дух солидарности и сотрудничества, а также диспропорций в экономическом развитии регионов. Среди девяти задач, выдвинутых кандидатами, значились: 3) в развитии страны делать упор на периферию, усиливая сельские районы, в рамках унитаризма и 9) развивать многообразие и содействовать социальному возрождению Индонезии с акцентом на воспитании духа многообразия и создание условий для диалога между гражданами²⁴.

Отсюда усиленное внимание в экономических планах на развитие инфраструктуры, что призвано стимулировать развитие островов помимо Явы и Суматры. В настоящее время инвесторы менее охотно вкладывают средства в восточной части архипелага вследствие недостаточной развитости инфраструктуры и сравнительно невысокой квалификации рабочей силы²⁵. Это препятствует росту добычи полезных ископаемых и их переработки. Президент Джоко Видодо указывает, что принятая правительством программа увеличения добавленной стоимости производимой продукции призвана уменьшить неравномерность развития западных и восточных регионов страны, острова Ява и других островов. По его словам, этот процесс уже начался. Президент подчеркивает, что в развитии инфраструктуры Яве не должно отдаваться преимущество²⁶. Пока же ситуация не меняется, В 2015 г. на Яву приходилось 60% ВВП, Ява

оставалась наиболее развитым регионом, тогда как последние места занимали Северные Молукки, Юго-Восточный Сулавеси и Центральный Калимантан²⁷.

При этом администрация Джоко Видодо продолжает программу реформ, начавшихся в 1998 г., включая развитие подлинного демократического плюрализма в соответствии с национальным девизом. При этом президент и большинство его коллег в публичных выступлениях склонны несколько идеализировать ситуацию. Выступая по случаю окончания мусульманского поста 2014 г., глава государства заявил: «Хвала Аллаху, наш Ислам исполнен корректности и терпимости», и он убеждает в этом при встречах мировых лидеров²⁸. Однако истинное положение далеко от этой благостной картины, да и сам президент, выступая на конгрессе крупнейшей мусульманской организации Индонезии Нахдатул Улама 1 августа 2015 г., призвал бороться с ростом нетерпимости в стране и обозначил в качестве главных источников радикализма и терроризма бедность, отсталость и неравенство²⁹. Национальная комиссия по правам человека констатирует рост случаев дискриминации на религиозной почве. В 2014 г. она получила 67 жалоб в этой связи против 39 в предыдущем году. В них фигурировали разрушение и насильственное закрытие культовых сооружений, физическое насилие против представителей религиозных меньшинств, препятствование проведению религиозных обрядов. Комиссия признает, что эти данные – лишь верхушка айсберга. Местные власти часто неспособны обеспечить права верующих, не всегда объективны и не всегда должным образом реагируют на обращения религиозных общин³⁰. Неблагополучно обстоит дело и в школах. Педагоги отмечают, что ученики, принадлежащие к разным вероисповеданиям, мало общаются между собой, предпочитая контакты с единоверцами, Министерство образования и культуры, как считают педагоги, не делает всего необходимого для системного решения этой проблемы³¹. Признавая, что эти данные вызывают тревогу, отметим, что они свидетельствуют не только о напряженности в этноконфессиональной сфере, но и о том, что в стране развивается принцип гласности, благодаря чему эти факты становятся достоянием общественности.

Частным, но характерным примером того, как религиозный радикализм и ортодоксальность могут создать угрозу для национального единства, служит фетва Совета улемов Индонезии фетвы, в которой СУИ выступает за ограничение туристического бизнеса нормами шариата. Имеется в виду запрет на слишком откровенные пляжные костюмы для женщин, определенные виды развлечений, употребление спиртных напитков – все то, что в фетве объединено в понятия гедонизма и безнравственности³². Фетвы Совета не носят обязательный характер, но если бы эти ограничения были введены, это нанесло бы удар по туристическому бизнесу, составляющему важнейший источник доходов на острове Бали, где большинство населения индуисты, и породил бы существенные сепаратистские настроения.

В более широком плане мусульманский радикализм воспринимается сторонниками других религий как угроза их духовному, цивилизационному и даже физическому выживанию, стимулируя развитие радикализма и экстремизма на местах. Примером служат события в местечке Толикара в Папуа, где 17 июля 2015 г. группа христиан напала на участников праздника по случаю окончания мусульманского поста, обвинив их в том, что производимый ими шум мешает семинару, проводившемуся евангелической церковью. Один юноша-мусульманин был убит, 11 человек ранены. Были сожжены дом, где собрались мусульмане, и несколько торговых киосков. Примечательно, что среди наиболее активных участников инцидента были два банковских служащих. Через несколько дней в Джокьякарте и Пурвокерто на Центральной Яве имели место попытки поджечь христианские церкви.

Рассматривая причины событий в Толикара, газета «Суара Пембаруан» указывала, что это был взрыв, вызванные социально-политическими проблемами, которые давно накапливаются в этом регионе. По данным Центрального статистического управления Индонезии в сентябре 2014 г. в Папуа за чертой бедности находились 26-27% населения против 10% в целом по стране в целом. Газета отмечала, что центральное правительство после 1998 г. уделяло значительное внимание региону, однако некоторые программы не получили надлежащего разви-

тия. В государственных школах обучение не ведется на надлежащем уровне и, окончив начальную школу, дети аборигенов не всегда умеют читать и писать. «Не нужно винить местных лидеров и священнослужителей, которые говорят, что ситуация характеризуется попустительством, обманом и оболваниванием». Несмотря на создание многих лечебных учреждений, растет число ВИЧ-инфицированных и наркозависимых. Местные предприниматели не могут конкурировать с приезжими из других регионов в технологиях и квалификации кадров и оказываются за бортом. То же происходит на политической арене.

Газета предлагает искать выход в трех сферах – развитие человеческого фактора через совершенствование системы образования, необходимость услышать представителей общественности и на этой основе выявить причины сложившейся ситуации, борьба против тех элементов, которые в личных и групповых интересах расхищают местные природные ресурсы, спаивают и развращают аборигенов. «Возможно, они лишь стремятся к обогащению, но не исключено, что некий синдикат сознательно создает условия, чтобы на репутацию местного населения легло несмываемое пятно»³³.

Президент Джоко Видодо на совещании представителей всех религий 24 июля 2015 г. призвал не допускать повторения подобных событий. Участники совещания в совместном заявлении выступили за диалог между представителями всех религий, за более тесные межконфессиональные контакты для поддержания гармонии в обществе и указали, что все стороны, включая правительство, должны сделать соответствующие выводы. В то же время руководитель аппарата президента отставной генерал Лухут Панджаитан призвал СМИ не придавать чрезмерного значения событиям в Толикара, утверждая, что они не связаны с религией и явились результатом простого недоразумения³⁴.

Вообще политические процессы вокруг проблемы плюрализма и веротерпимости развиваются противоречиво. В июне 2015 г. Конституционный суд отклонил обращение группы граждан, ходатайствовавших о пересмотре закона №1/1974, запрещающего межконфессиональные браки. Суд счел, что это обращение лишено юридического основания, поскольку при

заключении браков религия является важным фактором для отдельных лиц и общин, и государство должно обеспечить правовую определенность и защиту вступающих в брак³⁵. Реакция в стране на это решение была смешанной. Совет улемов приветствовал его. Газета “The Jakarta Globe” в редакционной статье 19 июня 2015 г. выразила глубокое разочарование, и это мнение разделили многие правозащитники.

Министр по делам религий в кабинете, сформированном в октябре 2014 г., Лукман Хаким Саефуддин уже 10 ноября сообщил о намерении разработать закон о веротерпимости, призванный защитить права сторонников религий и верований помимо шести официально признанных. Его предшественник Сурьядарма Али не только был известен непримиримой позицией по отношению к секте Ахмадия и шиитам, но и фактически бездействовал, когда преследованиям и погромам подвергались протестантские общины. Сообщалось, что в новом законе не будет фигурировать такая категория как официальное признание религии государством, и с его принятием утратили бы силу акты, ущемляющие права меньшинств, в том числе и постановления, ограничивающие право на возведение культовых сооружений³⁶.

Предполагалось обнародовать проект закона для обсуждения в апреле 2015 г. Однако в феврале 2015 г. со стороны соответствующей парламентской комиссии были сделаны заявления, что парламент не будет рассматривать этот законопроект как приоритетный и он не будет включен в план работы парламента на 2015 г. Вместе с тем, высказывалось мнение, которое, исходя из опыта предшествующих лет, можно считать обоснованным, что принятие закона будет иметь реальное значение только если власть сумеет обеспечить его исполнение на местах. Именно местные администрации идут на поводу у радикалов, принимая акты, ограничивающие права меньшинств³⁷.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке стимулировало активизацию системных мусульманских организаций в Индонезии, которых печать упрекала в том, что они до последнего времени оставались в стороне от таких насущных проблем, как преследование меньшинств, в результате чего именно радикалы начали выступать в Индонезии от имени ислама и использо-

вать религию в своих целях. Они увидели в распространении идеологии ИГИЛ угрозу национальному бытию индонезийского государства. Видный мусульманский деятель Азьюмарди Азра считает: «Хотя вероятность того, что они (сторонники ИГИЛ – А.Д.) добьются здесь успеха, относительно невелика, однако, их идеи и практика могут поставить под серьезную угрозу политическую, религиозную, социальную и культурную жизнь в Индонезии»³⁸.

Неприятие идеи исламского государства, халифата в Индонезии проистекает из двух основополагающих обстоятельств. Уже говорилось о том, что исламский радикализм угрожает территориальной и национальной целостности Индонезии. Второй же фактор заключается в том, что в сознании большинства мусульман страны религия не противостоит идее индонезийского национализма и государственности, а, напротив, органично спаяна с ней. Возможность превращения Индонезии в составную часть некоего наднационального образования абсолютно неприемлема для них.

Это выпукло отразилось в позициях двух крупнейших мусульманских организаций страны Нахдатул Улама и Мухаммадья. Обе организации провели в начале августа 2015 г. свои съезды, на которых были представлены программные документы, содержавшие концепции роли и позиции ислама в современном мире. Документ НУ был озаглавлен «Ислам Нусантара» (Нусантара – традиционное историческое название индонезийского архипелага). Как сказал видный деятель организации Мухаммад Имам Азиз, по своему духу эта концепция заключается во внедрении ислама, способного адаптироваться к окружающей среде и отличающегося терпимостью к различиям, существующим на архипелаге. Концепция учитывает тот исторический факт, что ислам в течение долгого времени присутствует в культуре, политике, экономике и технологиях архипелага. Цель заключается в том, чтобы прививать в среде мусульман терпимость в условиях сильного влияния радикальных и консервативных группировок на Ближнем Востоке. Имеется в виду защищать в политическом, экономическом, религиозном и культурном отношениях меньшинства, в частности, секту Ахмадия и шиитов³⁹.

Программа организации Мухаммадья носит название «Прогрессивный ислам». Лидер организации Дин Шамсуддин указывает, что эта концепция предполагает видение современного и умеренного ислама. Она предназначена не только для индонезийских мусульман, но и для народов всего мира, независимо от взглядов, поскольку экстремизм и нетерпимость встречаются не только у мусульман, делая упор на то, что ислам есть религия терпимости.

Предложенные концепции представляют несомненный интерес и в целом могут оказаться перспективными в случае их развития и претворения в жизнь мусульманской элитой.

Знаковым событием может стать смена руководств Совета улемов Индонезии. Избранный на пятилетний срок председателем Совета Маариф Амин высказался за проведение более конструктивной политики и отказ от дискриминации по отношению к секте Ахмадия и шиитам. В прессе отмечалось, что в состав вновь избранных органов вошли новые люди, что позволяет надеяться на более успешное противостояние консерваторам⁴⁰.

Развитие межэтнических и межконфессиональных отношений имеет принципиальное значение для политического развития страны в целом. Показательны участвовавшие в последнее время высказывания некоторых индонезийских деятелей, в том числе и генералов, находящихся на действительной военной службе, в пользу пересмотра поправок к конституции и возвращения к первоначальному весьма авторитарному тексту основного закона. Фактически они считают, что сохранение единства страны возможно только на этой основе, а не путем достижения национальной гармонии на базе демократии и реального осуществления национального девиза.

Командование вооруженных сил и министерство по делам религий заключили соглашение о сотрудничестве в противодействии религиозному радикализму, распространению идеологии ИГИЛ. Как заявил министр по делам религий Лукман Хаким Саефуддин, активная роль в этой сфере традиционно принадлежит вооруженным силам, руководство которых предложило его ведомству сотрудничество, на что было дано согласие. Министр сказал, что армии будет оказано содействие в

осуществлении этой программы, и он направит мусульманских проповедников в помощь военнослужащим в продвижении истинного учения ислама. Местные отделения религиозного ведомства будут взаимодействовать с сержантами-наставниками, которые действуют в деревнях еще со времен «нового порядка»⁴¹.

В апреле 2015 г. командование вооруженных сил объявило о начале очередной кампании «Армия едина с народом» в развитие лозунга «Армия участвует в развитии деревни» (TNI Manunggal Membangun Desa), которая охватывает 61 город и район в стране. Было официально заявлено, что приоритетными в этой кампании будут проблемы религии. Характерно заявление министра по делам религии, что его ведомству оказано доверие (!) стать партнером армии в проведении кампании, имеющей целью воспрепятствовать проникновению радикальных идей со Среднего Востока, в частности идеологии ИГИЛ, которые в корне противоречат религиозным воззрениям индонезийской нации⁴².

Таким образом, министерство фактически оказалось в подчинении у военного ведомства, что живо напоминает о до-реформенных временах. Создается впечатление, что угроза ИГИЛ становится одним из аргументов в пользу расширения политической роли армии, от которой страна официально отказалась после 1998 г. Военные пользуются, в частности, сложными отношениями между президентом и парламентом, где позиции его сторонников недостаточно устойчивы. Армия по-прежнему видит себя главным, если не единственным гарантом целостности государства. Частный, но характерный пример: главнокомандующий вооруженными силами генерал Мулдоко (мусульманин) в мае 2015 г. участвовал в заложении первого камня в основание протестантской церкви в местечке Сиосар на Северной Суматре⁴³, явно демонстрируя способность армии стать над межрелигиозными рознями. В речи по случаю 70-летия Национальной армии Индонезии 5 октября 2015 г. президент Джоко Видодо сделал акцент на способности армии подниматься над частными интересами, объединяя расы, этносы и религиозные общины⁴⁴. Если процесс преодоления противоречий не будет достаточно эффективным и всеобъемлющим, затронув

коренные причины конфликтов, военные могут использовать это как предлог для возвращения себе роли автономной политической силы. Это стало бы откатом в политическом развитии общества.

¹ Edward Aspipinall. *Modernity, History and Ethnicity. Indonesian and Acehnese Nationalism in Conflict // Autonomy and Disintegration in Indonesia*. Edited by Damien Kingsbury and Harry Aveling. L. and N.Y., 2004. Pp. 134-135.

² The Jakarta post, 23.12.2013.

³ Toto Sugiarto. *Desentralistik – Demokratik: Sosok Otonomi Daerah Masa Depan // Meneropong Indonesia 2020. Pemikiran dan Masalah Kebijakan*. Soegeng Sarjadi, Sukarno Rinakit, Editors. Jakarta, 2004. Hal. 96.

⁴ Kompas (Jakarta), 21.12.2013.

⁵ Kompas, 14.01.2001.

⁶ Kompas, 07.06.2015

⁷ <http://www.crisisweb.org/projects/indonesia/reports/indo02eren.htm>

⁸ Laporan Tahunan Kehidupan Beragama di Indonesia, 2009. Program Studi Agama dan Cross Budaya. UGM, Yogyakarta, 2010. Hal.15.

⁹ Indonesian Resources and Conflict in Papua. ICG Asia Report No 39, 13.09.2002. Pp. 14-15.

¹⁰ Ibid. Pp. 27-28.

¹¹ Kompas, 07.06.2015.

¹² Suara Pembaruan (Jakarta), 26.08.2015.

¹³ <http://www.antaraneews.com/berita/499968/presiden-pimpin-ratas-b...>

¹⁴ <http://jakartaglobe.beritasatu.com/business/bps-extra-effort-n...>; Suara Pembaruan, 05.08.2015.

¹⁵ Подробнее см. Соседова М. Конфликт в Аче в 1990 – 2000 гг.: специфика, интернационализация и сценарий восточного развития событий // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Выпуск XIX (2011 -2012 гг.) М., 2012. С.161-185.

¹⁶ См. Gordon Means. *Political Islam in Southeast Asia*. Selangor, Malaysia. 2009. P. 277.

¹⁷ Цитируется по: Hamid Awaluddin. *Damai di Aceh. Catatan Perdamaian RI – GAM di Helsinki*. Lampiran. Jakarta, 2008. Hal.324,326.

¹⁸ The Jakarta Post, 07.02.2014. Тем не менее, вице-президент Ю. Калла заявил в сентябре 2015 г., что урегулирование проблем Аче должно стать примером для всего мира (<http://www.antaraneews.com.berita/519849/wapres-pengelilaan...> .

¹⁹ The Jakarta Post, 09.06.2015.

- ²⁰ Damien Kingsbury. Diversity in Unity//Autonomy and Disintegration in Indonesia... Pp. 105-106.
- ²¹ Ibid.
- ²² Bambang W. Soeharto. Menangani Konflik di Indonesia. Cetakan Pertama. Jakarta, 2013. Hal. 101.
- ²³ The Straits Times (Singapore), 29.07.2011 & 16.08.2011.
- ²⁴ <http://www.establishment.com/jokowis-ninepriorities-agenda...>
- ²⁵ The Jakarta Post, 26.05.2015.
- ²⁶ Suara Pembaruan, 29.05.2015; ANTARA News.com., 21.10.2015.
- ²⁷ The Jakarta Post.com/news/2915.10.17/government...
- ²⁸ Suara Pembaruan, 14.06.2015.
- ²⁹ The Jakarta Globe, 02.08.2015.
- ³⁰ The Jakarta Post, 24.12.2014; The Jakarta Post, 05.07.2015.
- ³¹ Sinar Harapan, 21.10.2014.
- ³² The Jakarta Globe, 30.07.2015.
- ³³ Suara Pembaruan (Jakarta), 03.08.2015.
- ³⁴ The Jakarta Post, 25.07.2015; Suara Pembaruan, 05.08.2015; С тех же позиций фактически выступил глава Государственного разведывательного управления генерал Сутийосо, призвавший журналистов не «разогревать» атмосферу вокруг этой проблемы (Gatra.com., 17.10.2015.).
- ³⁵ The Jakarta Globe, 18.06.2015.
- ³⁶ The Jakarta Post, 11.11.2014.
- ³⁷ <http://sinarharapan.co.news.read/150212007/ruu-kerukunan-berag> ; The Jakarta Globe, 04.02.2015.
- ³⁸ <http://www.antaraneews.com/berita/207016/azyumardi-jihad-i>
- ³⁹ The Jakarta Post, 04.08.2015.
- ⁴⁰ The Jakarta Post, 03.08.2015.
- ⁴¹ The Jakarta Post, 22.08.2015.
- ⁴² Antara News.com., 09.04.2015.
- ⁴³ Suara Pembaruan, 23.05.2015.
- ⁴⁴ <http://www.antaraneews.com/berita/521724/tni-harus-menjadi>.